

Глава 12: Слухи порождают слухи, и маленькая лавка становится легендой; Яд ядом изгоняют, и молодой господин применяет хитрость

—

— Разве они не ссорились так, что дело дошло до суда? Как же теперь они вместе объединились?

— Ты не знаешь, я расскажу тебе... — рассказчик отхлебнул супа, чтобы подготовить голос к предстоящей легенде, которая вот-вот должна была развернуться. — После того суда эти двое все время не ладили, каждый день ссорились... Пока однажды молодой господин Тан не сварил у себя в комнате это... как его — хого, да, хого. Говорят, хого из Шу, очень диковинное, не то что мы не пробовали, даже знатный молодой господин из Цзиньлина не пробовал! Так что молодой господин Линь, почуяв аромат, пришел и, спрятавшись под окном молодого господина Тана, смочил слюной оконную бумагу и подсмотрел внутрь.

— И что же он увидел?

— Как только молодой господин Тан достал из-за пазухи маленькую бутылочку размером с ладонь, капнул в котел одну каплю, и мгновенно аромат разлился густым облаком. Этот аромат проник через отверстие в бумаге в нос молодого господина Линя, и как бы он ни презирал обычно молодого господина Тана, на мгновение этот запах заставил его потерять голову, забыть о земном...

Слушатель широко раскрыл глаза:

— Такой ароматный?! А что молодой господин Тан капнул туда?

— ...Капнул... как это называется... — когда он услышал эту историю, такой части не было; не знаю почему, рассказывая, он разгорячился и добавил отсебятины до такого уровня. Рассказчик сообразил и, не меняясь в лице, продолжил выдумывать: — О! — Называется «цзянью»*!

[*Игра слов: 胭脂 (jiàngyóu) — «губная помада» (досл. «багровое масло») и 酱油 (jiàngyóu) — соевый соус, произносятся одинаково.]

— Соевый соус? Еще рисовое вино! — слушатель фыркнул.

— Тьфу... не понимаешь? Это «цзянью» не то «цзянью», иероглиф «цзян» — как в «Дианьцзянчунь», означает темно-красный цвет, — довольный, что так естественно приврал, рассказчик покачал головой. — Это «цзянью» — божественное средство, которое небесные феи используют для губ. Всего одной капли достаточно, чтобы во рту оставался аромат на три дня!

— О... — слушатель сомневался.

Рассказчик быстро привел доказательства:

— Не веришь — спроси, разве бульон для хого не темно-красный? Разве у тех, кто поел хого, губы не становятся алыми, а во рту не остается аромат?

— ...Тогда... тогда по-твоему выходит — молодой господин Тан и правда бог богатства?

— ...Конечно. Он украл губную помаду феи, нарушил небесные законы, был низвергнут на

землю искупать вину — должен заработать десять миллионов лян золотом, чтобы вернуться на небеса!

— Ты эту историю не выдумал?

— Ерунда!

— Тогда молодой господин Линь не бог богатства?

— ...Это тоже правда. В своих прошлых жизнях два Бога Богатства были названными братьями, белолицый бог богатства боялся, что чернолицему богу богатства одному не заработать столько денег, поэтому добровольно спустился на землю помогать ему!

— ...О.

— ...

— Нельзя верить всему...

— ...Верь — не верь, — рассказчик закатил глаза, легонько похлопал по сытому животу и встал.
— Счет!

— Ладно! — Дядя Ван вытер руки об фартук и взял медные монеты, которые передал гость.

Проводив гостя, дядя Ван, убирая чашки и палочки, вспоминал только что услышанную небылицу и не мог сдержать смеха.

Линь Лан и Тан Юйшу стали в устах людей Белолицым и Чернолицым богами богатства; мотив их совместного открытия ресторана хого и вовсе превратился в такую абсурдную, смешную, но логичную легенду.

К слову, в эти несколько дней после открытия ресторана хого «Тронуть алые губы» дела шли неплохо.

Каждый день рано утром можно было увидеть, как Линь Лан и Тан Юйшу с деревянной тачкой идут на западный рынок за продуктами на день; вернувшись, моют, режут, раскладывают, работая до полудня; с часа У (11:00 - 13:00) начинается большой наплыв гостей, продолжающийся до конца часа Вэй (13:00 - 15:00); после проводов гостей, поевших днем, нельзя как следует отдохнуть — нужно мыть котлы, чашки, вытирать столы; их ждут гости на ужин, которые начнут постепенно приходить с конца часа Юй (17:00 - 19:00)...

Такой большой поток клиентов, в общем-то, нетрудно объяснить.

Во-первых, новизна: хого — блюдо, о котором в Чэньтане не слышали. Во-вторых, удачное местоположение: рынок у Усадьбы Бога Богатства существует уже более десяти лет, там продаются различные сладости, вино и еда. Такая модель концентрированного рынка продуктов питания и напитков напрямую обеспечивает значительную клиентскую базу для ресторана хого. В-третьих, слухи о том, что «там живут боги богатства», давно ходили в Чэньтане и окрестных деревнях, история о «Белолицем и Чернолицем богах богатства» и вовсе обошла все уста; эти разговоры создали эффект широкой рекламы, которую не купишь ни за какие деньги, и теперь, имея возможность переступить порог и заглянуть внутрь, кто откажется?

Размышляя об этом, дядя Ван усмехнулся, закрыл глаза и устроился в кресле, устланном овечьей шкурой.

Солнце уже клонилось к западу, видимо, час У давно прошел. С уходом последнего гостя с лапшичной рынок у Усадьбы Бога Богатства погрузился в сонную и удовлетворенную послеобеденную атмосферу.

Едва усевшись и не успев согреть сиденье, он услышал голос Линь Лана:

— Дядя Ван, две миски лапши!

— Ладно — только что закончили? — открыв глаза, он увидел Линь Лана, сидящего за столом, подпирающего голову и хмурого; Тан Юйшу сидел рядом беспокойно, время от времени поглядывая на Линь Лана, словно сделав что-то не так.

— В эти дни после открытия дела идут так хорошо, на что сердиться?

Линь Лан нетерпеливо цыкнул:

— Спроси его.

Уже прошло четыре дня с открытия, ежедневно была высокая оборачиваемость столов.

Только рожденный в богатой купеческой семье, привыкший, чтобы ему подавали одежду и еду, молодой господин Линь так и не смог смирить свою гордыню, чтобы обслуживать гостей; потому, естественно, обязанности зазывалы выполнял Тан Юйшу.

Но каждый раз, когда Линь Лан слышал, как Тан Юйшу с трудом произносит названия блюд: «Измельчённые потроха, рисовая лапша, куриные крылышки, ломтики говядины...», у него перехватывало дыхание.

Только что две семьи привели своих детей в ресторан, видимо, чтобы познакомить их. Мальчик из вежливости передал меню девочке, та, воспользовавшись случаем продемонстрировать свои способности в хозяйственных делах, по-взрослому заказала несколько блюд.

А Тан Юйшу, записывая, сказал девочке:

— Ты ешь так много говядины!

И довел девочку до слез:

— Ты смеешься, что я много ем?

— Нет-нет... Я имею в виду, что нужно много есть, очень много... это значит очень много!

Если бы Линь Лан вовремя не схватил его за шею и не оттащил на кухню, Тан Юйшу продолжал бы стоять там и неуклюже объясняться.

Выслушав всю историю, дядя Ван так сильно рассмеялся, что едва мог держать половник, и ему потребовалось некоторое время, чтобы зачерпнуть две миски лапши:

— Акцент Юйшу не исправишь за короткое время, это понятно; тогда поменяйтесь — Линь Лан, ты обслуживай гостей, а Юйшу пусть сосредоточится на кухне.

Линь Лан взял лапшу, по привычке добавил две ложки острого масла:

— На кухне и так нечего делать — основу Юйшу приготовил еще прошлой ночью, овощи купили и вымыли рано утром — гости заказали, мы просто подаем. Нет ничего, с чем бы мы не справились!

Поставив две миски горячей лапши на стол, дядя Ван тоже сел:

— О! Линь Лан и правда способный, еще и овощи мыть умеет?

Голос Линь Лан стал тише от неловкости:

— ...Юйшу моет.

Дядя Ван взглянул на Тан Юйшу, с несчастным видом уплетающего лапшу, затем перевел взгляд на Линь Лана:

— А что делаешь ты?

Чтобы скрыть неловкость, он снова сделал голос громче и тверже:

— Эй, что ты имеешь в виду! Я тоже много работаю, веду бухгалтерию и занимаюсь счетами, знаешь ли!

Хоть дядя Ван и был на двадцать с лишним лет старше Линь Лана, он действительно боялся этого резкого юноши, и лишь соглашался: «Ладно, ладно...», одновременно доставая из-за пазухи маленький сверток и бросая Линь Ланю:

— Это тебе.

Любопытные глаза Линь Лана широко раскрылись, он отложил палочки и осторожно развернул:

— Что это... бархатный цветок чжуин? Эй, дядя Ван, откуда у тебя такое?

— Конечно, есть у меня... у кого в молодости не было периода любви к красоте, — дядя Ван гордо поднял подбородок. — Ну как? Красиво? Это я связал из отборной бархатной нити с вплетенными золотыми нитями, ничем не хуже настоящего цветка чжуин. Взгляни на тот, что у тебя на голове, в день открытия его опалило огнем, совсем растрепался...

— Не напоминай... — Линь Лан поник. — Это мне в детстве мама дала, я с детства ношу... а теперь сгорел, как же мне жаль.

— Тогда береги. Хочешь носить — носи этот, что я сделал, — посмотри повнимательнее, разве хуже того, что дала тебя мама?

— Конечно, намного хуже... — на словах он не признавал, но рука уже честно потянулась к макушке, и он надел новый цветок, подаренный дядей Ваном.

— Я говорю... ты тоже не сердись на Юйшу, — видя, что подавленное настроение Линь Лана из-за нового цветка немного улучшилось, дядя Ван вовремя заметил. — Взгляни на его брови... хорошо еще, что пламя не задело глаза!

Услышав свое имя, Тан Юйшу поднял глаза на двоих.

Оба взгляда устремились на его лицо, заставив Тан Юйшу растеряться.

Увидев это, Линь Лан в конце концов не удержался и снова рассмеялся:

— Ладно, ладно — впредь зазывалой буду я. Ты занимайся кухонными делами.

Тан Юйшу энергично закивал:

— Ладно, ладно.

Услышав это, Линь Лан снова рассердился, нахмурился и сверкнул глазами на дядю Вана:

— Ты слышишь... слышишь, как он говорит!

Что касается проблем, которые сычуаньский акцент доставлял цзяннаньскому молодому господину, у Чжан Цяня было совсем другое отношение. С тех пор как он въехал в земли Шу, подражание сычуаньскому акценту стало его самым большим удовольствием.

— Как же медленно... письмо с почтовой станции получил еще полмесяца назад, чего ты на дороге копался?

— Медленно — не моя вина (все из-за автора, который затягивает обновления!). Просто пейзажи Шу слишком интересны, по дороге ел и пил, не успел насладиться здешней едой, плюс задержался в Юйчжоу на несколько дней... — оправдавшись, Чжан Цянь перевел бодрый взгляд на названного брата и странным голосом сказал: — Чего торопишься-то?

— Прошло три-пять лет, а ты не изменился, — Ли Гуан отпил чаю, глядя на ухмыляющегося Чжан Цяня. — Но вроде стал ниже.

— Это ты вырос! — Чжан Цянь поспешил защититься. — Перед смертью отец все беспокоился о тебе: «Если ты не вырастешь высоким, то не сможешь внушать уважение в армии!»

— Теперь он может быть спокоен, — говоря о названном отце, голос Ли Гуана задрожал, но он сдержал эмоции, сохраняя спокойное выражение лица. — Не вини меня, что не плачу... После стольких лет, проведенных в пламени войны, я привык к жизни и смерти.

— Тогда... когда ты планируешь вернуться в столицу?

— После войны в Чэнду уже многое устроено... демобилизованные солдаты теперь получили работу от тебя, народ спокоен. Пора уже уезжать, — Ли Гуан глубоко вздохнул. — Просто не знаю, что буду делать в столице.

— ...

— В свое время, несмотря на ваши уговоры, принял этот приказ о подавлении мятежа, просто хотел вернуть семье былую славу. Но теперь мятеж подавлен, получил титул, награду, и кажется, будто все надежды этой жизни исполнились... Куда идти дальше?

— Тогда поезжай со мной в Цзиньлин! Больше не ездь в столицу, никуда не ходи, оставайся в Цзиньлине.

Ли Гуан опустил глаза, не ответив.

Воздух затих на мгновение, затем Ли Гуан заговорил первым:

— Я нашел в Чэнду мастера, сейчас сварю хого, чтобы встретить тебя... ты, наверное, не знаешь, что такое хого, это деликатес Шу.

— Знаю, — Чжан Цянь приподнял бровь. — Мой племянник открыл ресторан хого.

— Линь Лан? — на этот раз растерялся Ли Гуан. — Как он...

Когда разговор зашел о ресторане хого Линь Лана, Чжан Цянь хлопнул себя по лбу:

— Ты знаешь Тан Юйшу?

— Его? — услышав это знакомое имя, Ли Гуан не смог скрыть нетерпение. — Что с ним? У тебя есть о нем известия? Как вы познакомились?

Увидев немного несдержанную реакцию Ли Гуана, Чжан Цянь подумал мгновение:

— ...О, вообще-то ничего. У отца в Чэньтане был дом, ты подарил его Тан Юйшу?

— Да, в детстве названный отец водил меня туда играть, увидел, что мне нравится, и сказал, что подарит мне, — Ли Гуан объяснил вопрос принадлежности, затем снова поспешно спросил. — Тан Юйшу переехал туда? Как он живет? Когда ты его видел?

— ...Вот в чем дело, отец под старость забывчивым стал, возможно, забыл, что уже подарил дом тебе, а потом отдал тот дом Линь Лану. Если хочешь — я подарю тебе другой, тот дом очень важен для Линь Лана...

— ...Подаришь другой? Не может быть. В последнем письме ко мне названный отец написал, что хочет подарить мне дом, просто не мог найти документы на дом. Я уже заверил это письмо и, передавая Тан Юйшу, восполнил документы, думаю, через некоторое время они попадут к нему.

— Сейчас Линь Лан и Тан Юйшу спорят за тот дом.

— Да? Ты присмотри за своим племянником! Если он будет донимать Тан Юйшу, значит, донимает меня.

Один названный брат, один племянник, оба упрямые, как буйволы. Чжан Цянь вздохнул:

— Все из-за забывчивости отца... Ладно, никто никого не донимает, эти двое вместе открыли там ресторан хого.

— Открыли ресторан хого? Тан Юйшу? — Ли Гуан рассмеялся. Чжан Цянь заметил, что всякий раз, когда речь заходит о Тан Юйшу, Ли Гуан отбрасывает свой степенный и спокойный вид и не может сдержать детских эмоций. — Когда ты вернемся в Цзиньлин, возьми меня с собой посмотреть!

Хоть Чжан Цяню и не понравилась улыбка на лице Ли Гуана, когда тот упомянул Тан Юйшу, но тот хотя бы согласился поехать с ним.

Чжан Цянь отпил вина и усмехнулся:

— Хорошо.

Ночью в час Цзы (23:00 - 01:00), в ресторане хого «Тронуть алые губы» в Чэньтане.

— Малыш, добавь еще вина!

— Эй — как ты меня назвал? — Линь Лан, дремавший у двери на кухню, услышав зов гостя, с темными кругами под глазами резко вскочил и хотел накричать, но к счастью, Тан Юйшу в панике удержал его.

— Он назвал меня «малыш», ты слышал? Впервые в жизни меня называли «малыш»!

— Не сердись, вчера же кто-то называл тебя сопляком, — Тан Юйшу привел еще худший пример, пытаясь успокоить Линь Лана.

Но Линь Лан, услышав это, чуть не задохнулся:

— Ты это утешаешь?

— Точно, точно... — усадив Линь Лана обратно на порог, он сказал. — Сиди спокойно, я им подам...

Разобравшись с гостями, Тан Юйшу вернулся и продолжил мыть посуду. Видя, как Линь Лан сидит, подпирая голову, злой и сонный, он сказал:

— Может, ты сначала поспи, я один справлюсь с этим столиком.

— Нет! Я обязательно посмотрю, сколько эти люди еще просидят! Они давно доели, а сидят здесь уже лишний час! — Линь Лан потер уже растрепанные волосы. — Сейчас уже час Цзы!

— Ты не знаешь... — Тан Юйшу, глядя на нынешнего измученного Линь Лана, рассмеялся. — В детстве — когда в Чэнду еще не было войны, люди любили собираться на улицах ночью, есть хого, пить вино, играть в маджонг. Эй — разве в Цзиньлине не так же?

— Как это может быть одно и то же — раньше мы ходили развлекаться, а теперь прислуживаем, — чем больше думал Линь Лан, тем больше злился, и сердито покосился на тех, кто еще перекидывался чарками и смеялся под навесом. — Скажи на милость — когда-то я был молодым господином из усадьбы Линь, такие люди при виде меня кланялись!

— Дела идут хорошо, а ты не рад, — утешал Тан Юйшу. — Иди сначала спать. Всего один столик, я один справлюсь.

— Не надо, есть метод против таких наглых гостей! — сказав так, Линь Лан встал, злорадно ухмыльнулся, схватил тряпку и направился к тому столику.

Боясь, что этот молодой господин натворит чего, Тан Юйшу высунулся и пристально следил за каждым движением Линь Лана — и увидел, как тот сначала услужливо подошел, собрал в руку кости и остатки со стола гостей, выбросил в помойное ведро, затем встал рядом, не отходя ни на шаг и почтительно подливая вино и чай.

— ...Ничего, все хорошо, — успокоившись, Тан Юйшу продолжил мыть гору посуды.

Гости, наевшиеся и напившиеся, но не желавшие уходить, сначала болтали беззаботно, но вдруг рядом оказался маленький слуга, и о чем бы они ни говорили, им казалось, что есть ограничения, невозможно раскрепоститься; плюс слуга был слишком услужлив, подливал вино и чай, нельзя было и прикрикнуть на него... В таких условиях, естественно, гости в конце концов поспешно расплатились и ушли.

С трудом «выжив» гостей, Линь Лан, наконец избавившись от необходимости играть роль старательного слуги, с негодованием швырнул тряпку в сторону, вошел на кухню и устроился в кресле, приняв вид горного разбойника:

— Я молодец? — Они ушли!

Тан Юйшу взглянул на него, затем на пустой двор:

— Тогда иди спать.

Измученный до предела, Линь Лан, не церемонясь, потянулся и встал, собираясь вернуться в восточный флигель, как во дворе снова поднялся шум.

— Закрыто, закрыто! — Линь Лан вышел во двор, объявляя пришедшим о закрытии. Присмотревшись, он увидел, что это только что ушедшие гости. — Э?... Что такое?

— Мы кое-что потеряли! — один из них перебирал остатки еды на столе.

— Что потеряли?

— Перстень!

— Перстень?

— Костяной перстень из рога носорога, которое только что положили на стол.

Зрачки Линь Лана сузились:

— Костяной перстень из рога носорога... возможно, я принял его за кость и выбросил в помойное ведро.

Гость взорвался:

— Что?!

Услышав шум, Тан Юйшу выбежал из кухни во двор и успел увидеть, что произошло: гость выплеснул остатки вина из миски, которую еще не успели убрать, в лицо Линь Лана.

—

<http://bllate.org/book/12583/1220584>